Стих про Егория Храброго

Во седьмом году восьмой тысячи
Наезжал царище Кудреянище
Ко тому ли городу Чернигову.
Он князей, бояр всех повырубил,
Благоверного князя Федора
Он под меч склонил,
Голову срубил.
Оставалося чадо малое
Молодой Егорей Светло-Храбрый:
По локоть руки в красном золоте,
По колена ноги в чистом серебре,
И во лбу солнце, во тылу месяц,
По косицам звезды перехожия.
Он того, собака, не пытаючи,
Начал Егорья-света мучити
Всякими муками да разноличными.
Начал он Егорья топорами сечь:
Топоры — всё зубьё прикрошилося,
А Егорья-света не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Он того, собака, не пытаючи,
Начал он Егорья пилой пилить:
У пилы всё зубьё прикрошилося,
Прикрошилося, всё приломалося,
А Егорья-света не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Он того, собака, не пытаючи,
Начал Егорья водой топить,
Колесом вертеть:
Колесо в щепу все приломалося,
А Егорья-света не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.

От того, собака, не пытаючи,
Начал он Егорья в котле варить:

Егорей-свет в котле стойком стоит,
Стойком стоит, сам стихи поет,
Стихи поет все херувимские;
Под котлом растет трава муравлена,
Растут цветочки лозоревы,
Он того, собака, не пытаючи,
Копал погреба глубокие,
Долины погреб двадцати са́жен,
Ширины погреб тридцати сажен,
[В] глубину погреб сорока сажен.
Посадил Егорья-света с матерью
Во тот погреб во широкой.
Задергивал решетки железныя,
Желтым песком призасыпывал,
Серым каменьем призаваливал,
Муравой-травой замуравливал.
Он пошел, собака, похваляется:
«Не бывать-ска Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Света белого, солнца красного».
    По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка́ завевали ветры буйные
Из того из далеча чиста поля, —
Мураву-траву всю размуравило,
Серо каменье все приразвалело,
Желты пески все приразвеяло,
Решеточки все приразтергало.
Выходил Егорей на святую Русь,
Увидал Егорей света белого,
Света белого, солнца красного.
Стал просить благословения,
Благословения матушки родимыя
Поехать к Кудреяну-Кудреянищу
Изместить обиды все родительския.
Унимает его матушка родимая:
«Не поезжай — у Кудреяна-Кудреянища
Есть три заставы, три великия.
Первая застава великая —

Стоят леса темные,
Они засели до́ неба,
И стиглому и сбеглому проходу нет,
И удалому добру молодцу проезду нет.
А другая застава великая —
Стоят две горы высокия,
Разо́йдутся да вместе сто́лкнутся,
Ни стиглому, ни сбеглому проходу нет,
Ни удалому молодцу проезду нет» —
«Ой же ты, матушка родимая!
Не Божьим все есть изволением, —
Все вражиим навождением!»
Поехал удалой доброй молодец,
Приехал к лесам темным:
«Ой все вы, лесы, лесы темные!
Полноте-ко врагу веровать,
Веруйте-ко в Господа распятого,
Самого Егорья-света Храброго!»
Стали лесы по-старому,
Слали лесы по-прежпему.
Поехал Егорий-светы Храбрый,
Приехал к горам высоким:
«Полноте-ко, горы, врагу веровать,
Веруйте-ко в Господа распятого,
Самого Егорья-света Храброго!»
Стали горы по-старому,
Стали горы по-прежнему.
Проехал Егорей-светы Храбрый,
Приехал к реке огненной:
«Полно-ко, река, врагу веровать,
Веруй-ко в Господа распятого,
Самого Егорья-света Храброго!»
Стала река по-старому,
Стала река по-прежнему.
Колотят платье две девицы,
Две русския полоняночки:
«Ой же ты, удалой доброй молодец!
Есть еще у Кудреяна Кудреяныча,
Есть три заставы, три великия, —

Первая за́ставь — сидит над крыльцом птица,
Унесет тебя в чисто поле,
Малым детям на съяденье.
Над крыльцом сидит змея лютая —
Ухватит тебя на хобот свой,
Унесет тебя в чисто поле,
Малым детям на съяденье.
В палатах у него есть меч-самосек,
Отсекет у тебя буйну голову!» —
«Все это не Божиим изволением,
Все вражиим навождением!»
Ох ты, птица, птица, лети в чисто поле,
Хватай поганых татаровей!
Ох ты, змея, змея лютая,
Лети, змея, в чисто поле,
Хватай поганых татаровей!
Ох ты, меч, меч-самосек,
Ссеки у Кудреяна-Кудреянища,
Ссеки буйну голову!»

(Запись С. В. Максимова в Архангельской губ.)

Сочинения П. И. Якушкина. Спб., 1884.